

Феликс Касимов

СТИХИ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

Феликс Касимов

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Андрей Осипов

03.03.2016г

UNIPress
издательский центр
Димитровград 2016

УДК 82-1
ББК 84(2)
К-28

К-28 Касимов Ф.Д. “Стихи разных лет”. –
Д.: Издательский Центр “ЮНИПресс”, 2016. – 92 с.

ISBN 978-5-94683-056-0

УДК 82-1
ББК 84(2)

Феликс Касимов

Стихи разных лет

ООО «Издательский Центр ЮНИПресс»,
433504, Россия, Ульяновская область,
г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, д.107
тел./факс: (84235) 6-65-36, e-mail: bch@ulpress.ru

Подписано в печать 05.02.2016 г.
Формат 84х108/32. Усл. печатных листов - 4,83.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 423

Отпечатано в ОАО «Димитровградская типография».
433504 г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

ISBN 978-5-94683-056-0

© Касимов Ф.Д.
© Оформление:
“Издательский Центр ЮНИПресс”

**Топлавок, готовый кануть в воду,
1 стихи – в бездонность пустоты.**

М. Северянин

ОСТРОВ

Капитан – он вырос в море.
Экипаж – ему под стать.
Может к счастью, может к горю,
Отплывают
ТАК ДЕРЖАТЬ!

Далеко плывут ребята.
Курс норд-ост, потом правей.
Остров там, о нем когда-то
Кто-то слышал от людей

– Чудо-остров! – будто выдох
Разнеслась шальная весть.
И поплыли.
– Бог не выдас.,
Рыба-кит не сможет съесть!

Долог путь, и плыть не просто
Через море-океан
И никто не знал, что остров
Сам придумал капитан

Может, птица вдаль летела,
Заронила в сердце блажь:
– Мелководье надоело,
Опостылел каботаж!

И надумал он, решился
Плыть за море в шторм и тьму.
Ну, а остров то ли снился,
То ли чудился ему.

Но теперь и сам он верит
(Кто и нас порой поймет?),
Что заветный будет берег,
Коль с погодой повезет.

Пусть же паруса не рвутся,
Не ломаются рули...
Дома ждут их, не дождутся:
– К сенокосу б хоть пришли.

1996 г.

ПО ТЕЧЕНЬЮ

Когда не знаешь путь, то по теченью правь.
Но, впрочем, принимай советы осторожно.
Сегодня тот, а завтра этот прав,
Сегодня то, а завтра это ложно.

Правь по теченью.

Сам поймешь потом,
Как лучше плыть, как одолеть преграды,
Где пересечь, где обогнуть поток,
Где стоит подождать, где торопиться надо.

Вон, видишь, поворот...

Там мели впереди.
Вдоль яра проплыви, пусть будет путь извилист.
А здесь от берега подальше отойди,
Там сосны над водой опасно накренились.

Предвидеть все нельзя.

Дожди и снегопад,
Застрявшие плоты, пороги и туманы
Порой заставят отступить назад
И изменить намеченные планы.

Не бойся неудач – без них скучнее жизнь.
Тот, кто не проиграл, побед своих не ценит
И не стремится к ним...

Течения держись!
Так проще плыть, пока нет ясной цели.

Так легче выбрать поначалу путь,
Пока и сил, и опыта немного.
Когда ж придешь в моря, о прошлом позабудь:
Плыви смелей вперед, в удачу верь и в Бога.

1997 г.

* * *

Мы строим корабли,
 чтоб плыть в бескрайний космос.
Наскучила Земля потомкам моряков.
Хотим найти вдали другой надежный остров
И заново начать отсчет своих веков.

Пока что каботаж – еще заметен берег,
Но скоро предстоят далекие пути.
Нас к звездам поведут и новый Кук, и Беринг,
И новый Магеллан мир звездный облетит.

И вновь, пройдя сквозь тьму,
 сумев до звезд добраться,
Ликующий Колумб откроет Новый Свет.
Там будут нас встречать по разуму собратья –
Аборигены сказочных планет.

Но может быть и так: огромный астероид,
Как айсберг в море, наш прервет полет
Или в конце пути все планы нам расстроит
Чужих миров патрульный звездолет.

Или потом, когда мы станем там на рейде
И будет отдыхать уставший экипаж,
Какой-нибудь потомок дерзкий Дрейка
Корабль наш возьмет на абордаж.

Но все сомненья прочь!
Бояться звезд не надо.
Простор для нас открыт – и нет пути назад...
Я верю, есть миры богаче Эльдорадо.
Летим!..

Держите курс к созвездию Плеяд.

2000 г.

ПРИШЕЛЕЦ

Когда наш звездолет взорвался,
Лишь я случайно уцелел.
С тех пор один живу среди вас я
На этой проклятой Земле.

Тот рейс и трудным был, и долгим,
Про наш маршрут никто не знал.
И, чтоб нашли меня, я должен
Был дать какой-нибудь сигнал.

Но как?

Из этой дикой дали!

Потом я понял...

И тогда

Ярмо чинов, наград, регалий
И кнут тщеславья я вам дал.

Затем к искусствам и наукам
В вас пробудил я интерес,
И ожил грубый многорукий
Мой монстр по имени «Прогресс».

Пещеры, избы, небоскребы.
Телега, поезд, самолет...
Был сделан Сфинкс, построен Робот,
Написан «Гамлет», «Дон-Кихот».

От СПИДа вы нашли лекарства,
Сменили брюк и шляп покрой...
Я сам порою увлекался
Всей этой вашей мишурой.

Но помнил цель и непреклонно
Вас направлял дорогой в ад.
Фотоны – атомы – нуклоны,
Нейтрино – ядерный распад.

И вот – крылатые ракеты,
Стремленье к атомной войне.
Я знаю, в дикой гонке этой
Вы не удержите коней.

И рухнет все...
Смешон и страшен
Погибнет мир среди огня.
И, этот взрыв заметив,
наши
Поймут все и спасут меня.

Вернусь...
И вы, начав сначала
(Вновь будут копыта, стрелы, рвы),
Вернетесь к брошенным причалам...
Что время вам?
Ведь вечны вы.

1993 г.

АТОЛЛ

В далеком южном океане-море,
От обжитых материков вдали,
Есть островок, к которому не могут
Ни лодки подойти, ни корабли.

Коралловым неодолимым рифом
Он от людей надежно защищен,
Как замок азиатского халифа,
Стеною окружен со всех сторон.

Лишь раз в году, когда взойдет луна
В определенной точке небосвода,
Поднимет море темная волна,
И скалы скроют царственные воды.

В тот час сюда с далеких островов
Везут пироги жертвоприношенья,
И дикари в экстазе у костров
Поют и пляшут до изнеможенья.

Но вот рассвет, слабеет власть луны,
Из моря вновь вздымаются кораллы,
И дикари уплыть скорей должны,
Пока им путь не преградили скалы.

И горе тем, кто вовремя не смог
Сбежать из заколдованного круга.
Тюрьмой безжизненной им станет островок,
Испепеленный знойным солнцем юга.

1995 г.

* * *

Бушует океан и топит корабли.
Не может капитан добраться до земли.

Напрасно маяки указывают путь,
По ветру моряки плывут куда-нибудь.

Им только бы волне свой не подставить борт,
И, может быть, тогда они вернутся в порт.

Но ветер все сильнее и все темнее ночь,
И морякам теперь ничем нельзя помочь.

1999 г.

ТОСТ

Корабль и моря взбесившийся мамонт,
Вот-вот и затопчет не давших путь.
И бледный радист, как девочка маму,
Зовет на помощь кого-нибудь.

А утром компьютерный мир заахает:
– Одиннадцать баллов!

Рейсом в Алжир.
Со всем экипажем и грузом сахара.
Бесследно...
И только один пассажир...

Волной не был смят,
не растерзан в бурунах,
Не втянут в пучину безумной толпой.
Какой-то обломок, течение, шхуна...
И вот он – опять живой!

Вернется домой.
Мать от счастья заплачет.
Бутылку заветную вытащит дед...
Так выпьем за то, чтоб удача
И нам помогала в беде!

1995 г.

* * *

Где край страны моей, того не знаю сам
И не пытаюсь очертить границы.
Такие есть во мне дремучие леса,
Где самому нетрудно заблудиться.

Такие бездны есть – кружится голова,
Когда о том всего лишь вспоминаю.
И есть еще такие острова,
Которых никому не открываю.

Лишь мачты кораблей оттуда мне видны,
И я не жду гостей, не требую вниманья.
Такие женщины в меня там влюблены,
Такие странные сбываются желанья.

Заветный талисман меня там бережет,
От бед и от невзгод всегда хранит незримо.
Предательской стрелы почувствовав полет,
Успею отскочить, чтоб пролетела мимо.

Там есть одна тропа, ведущая к реке.
Когда идешь по ней дождливым серым летом,
То можно иногда заметить вдалеке...
Но стоит ли теперь рассказывать об этом?

1997 г.

* * *

Ну, здравствуй!

Твой далекий мозг
Сегодня встретился со мною,
Как будто бы незримый мост
Соединил меня с тобою.

Мы – словно в море острова,
Которых так и не открыли.
Мои негромкие слова,
Как корабли, к тебе приплыли.

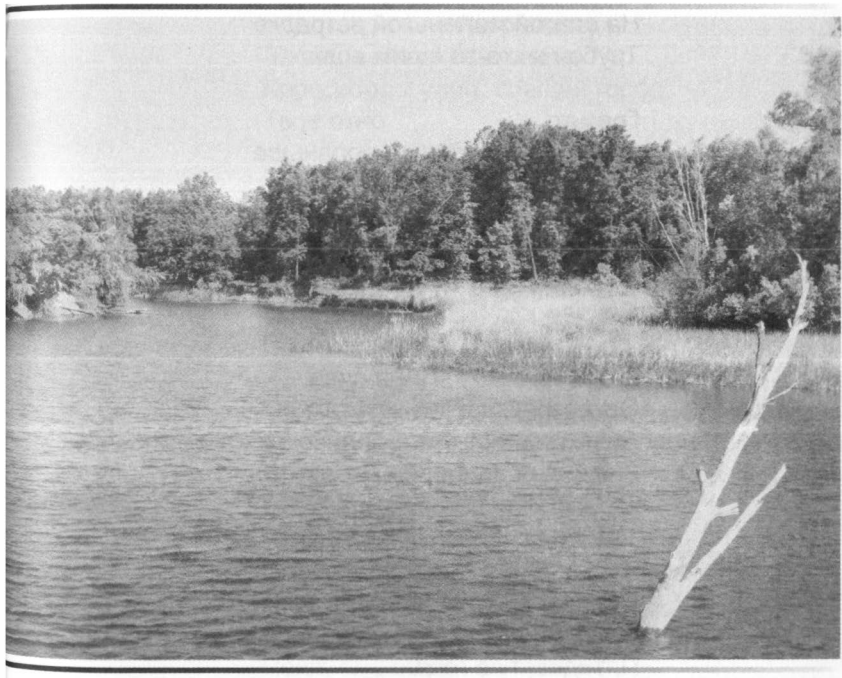
Я их отправил наугад,
По воле ветра и теченья.
Капризный жест, случайный взгляд
Определял маршрут движенья.

Теперь они к тебе пришли,
В твоём порту на якорь стали.
Моих предчувствий корабли,
Твои неведомые дали.

Ты ощутил тех строк настрой?
Ты понял смысл неровных строчек?
Так это значит, – мы с тобой
В своих надеждах схожи очень.

Тебя нетрудно мне понять,
Я все с полвзгляда понимаю...
Ты что-то хочешь мне сказать?
Не надо, я об этом знаю.

1997 г.

СТАРЫЙ МОТИВ

Провинциальные порядки:
– Сначала оплатите счет!
На старой маленькой эстрадке
Трубач и кто-то с ним еще.

Греют...
Пришедшие пораньше
Уже сорвали голоса...
Второразрядный ресторанчик,
Приют на полтора часа.

Сидели.
Ждали.
Пили пиво.
Оркестрик, наконец, затих.
Лишь пианист неторопливо
Знакомый подобрал мотив.

Так, для себя...
Чуть улыбался,
Сбивался, путал иногда.
И я припомнил старый вальсик,
Пятидесятые года.

Сирень.

Уроки.

Лето скоро.

Записок школьные листы.

Кроссворды улиц, спящий город.

Твое окно.

Улыбка.

Ты...

Вдруг вспомнил игры на «Динамо»:

Бросок – и время истекло.

Военный в форме с орденами

Вручает кубок и диплом.

Припомнил двор наш.

Сквер с беседкой,

Дрова, сараи вдоль стены.

Выносит патефон соседка,

Играют в «чику» пацаны.

И вспомнил праздник.

Город полон:

Поят, смеются – не пройти...

Все меньше слов тех песен помню,

Все больше нравится мотив.

1986 г.

РАЗГОВОРЫ С ОТЦОМ

– Из кряшен мы, за Волгой жили,
В деревушке Казыли.
И реки к нам не доходили,
Да и дороги не дошли.

Вокруг лишь степь, все пусто, голо,
Пять верст до ближнего села.
Церковно-приходская школа
В три класса в том селе была.

Про революцию не скоро
Узнали мы, из третьих рук.
И с той поры пошли чуть в гору,
Не в раз, конечно, и не вдруг.

А тут беда: в двадцатом голод.
Поп злобствовал:

– Бог наказал!

И мы тогда с братьями в город,
В столицу кинулись, в Казань..

Отец рассказывал нечасто
О том, как жили до войны.
Мне в тех годах, как будто в чаще,
Поляны светлые видны.

Вот трое братьев на «Динамо»
С отцом, кто мне, выходит, дед.
– Смотри, мужик в трусах!
Вот сраму!
Ведь им, поди ж, по тридцать лет.

Когда узнал, почем билеты,
Вздыхнул и горько произнес:
– Эх, мать честная, сколько ж это
Теперь придется на овес?

– Забудь ты, батя, счет крестьянский,
– Один из сыновей сказал.
Потом – война, вокзал Казанский,
Эвакуация в Казань.

Заволжский домик дядь-Кирилла
Со вздохом всю родню вместил.
Четыре мне в те годы было,
Пешком под стол еще ходил.

Что помню?

Огонечек свечи,
В чулане пыльные мешки.
Еще – подкову на крылечке,
На карте красные флажки.

И помню май.

Был теплый вечер,
Оркестр на площади гремел.
Кирилл поднял меня на плечи,
Кричал:

– Ура!

А я ревел.

1992 г.

* * *

Помню тихий вечер,
Мамины загадки:
– Круглый огуречик
Лег на звездной грядке.

На ковре диванном
Слушали нас тигры.
Помню на «Динамо»
Кубковые игры.

Мой бросок случайный
На исходе встречи.
Помню карнавальный
Новогодний вечер.

Медленное танго,
Жгучее волнение,
Радостная тайна
Соприкосновенья.

Прежние секреты,
Встречи и тревоги,
Словно бы приметы
На моей дороге.

Что потом случится,
Сам еще не знаю.
Чтоб не заблудиться,
Камешки бросаю.

2008 г.

ИЮНСКИЙ ЖУК

Война...

Какие тут игрушки!
Всем было не до пустяков.
Я прятал дома под подушкой
Июньских бронзовых жуков.

Мы их в саду ловили школьном,
В ветвях рябины молодой.
Они царапали не больно
Мою некрепкую ладонь.

Еще – за станцией, у танков,
Куда военный лом везли.
Нас оставляли «для атанды»,
Те, кто постарше, порох жгли.

Мы по броне взбирались рваной,
Чтобы достать жуков с цветка.
С тех пор рябины запах пряный
Я чувствую издалека.

И, как тогда, равнодушен
К литым торжественным бокам,
Ловлю, но отпускаю тут же
На волю легкого жука.

1994 г.

* * *

Груженный поезд тяжело
Грохочет по лесной дороге,
И слышит грозный гул его
Мохнатый зверь в своей берлоге.

Он знает, чувствует нутром,
Что не опасны звуки эти,
Как вдалеке гремящий гром,
Как шелест листьев на рассвете.

А дальше – глухомань лесов,
Овраги, буреломы, волки.
Там старый дед и пара псов
Живут в заброшенном поселке.

Движение поезда сквозь сон
Дед слышит, тявкают собаки.
И сразу вспоминает он
Звериный шорох в буераке.

С дружкой своим Татьянин зять
Приедет утречком в субботу.
Дед обещал (как отказать?)
Взять их с собою на охоту.

Он все прикинул наперед,
Заранее потешил душу:
Медведя он и сам возьмет,
А гости пусть потащат тушу.

Парням придется попотеть,
Зато, хоть, сходят не напрасно...
Вот только б не ушел медведь,
Нутром почувствовав опасность.

2007 г.

* * *

Январь заметит,
а февраль разбудит.
Март позовет,
апрель приворожит.
Май опьянит,
полюбит,
и позабудет.
Июнь поймет,
сбдумает,
решит.
Июль наметит,
август остановит.
Сентябрь уравновесит,
укротит.
Октябрь смутит,
ноябрь подготовит.
Декабрь успокоит и простит.

1995 г.

ЕГОРЫЧ

Я жил у речки, забывал про город,
Ловил язишек, судачков, леща.
Из деревушки ближней дед Егорыч
Меня порой под вечер навещал.

Хороший дед, привычной русской пробы:
И добр, и прост, и не богат рублем.
Мне пироги носил:

– Бери, попробуй,
Старуха испекла со щавелем.

Расспрашивал о космосе, о БАМе
И о стихах:

– Раз хочется, пиши!
Совет тут ни к чему, как вилы в бане,
Но, в общем, ты не очень мельтеши.

Рассказывал о жизни довоенной,
О сыновьях погибших вспоминал:
– Василий, старший,
плотник был отменный.
Сергей, как ты, на речке пропадал.

Порой молчал, смотрел, как я рыбачу,
Дремал под птичий пересвист в бору.
Потом прощался:

– Ну, тебе удачи!
А судачков – спасибо! – заберу.

И день кончался...

Прилетали совы,
Звезда срывалась, оставляя след...
И был я рад, что послезавтра снова
Ко мне придет неторопливый дед.

1998 г.

* * *

Забреду на луг зеленый,
Отдохну часок-другой,
То ли странник утомленный
То ль разбойник удалой.

Рядышком кузнец стрекочет,
Выбивается из сил.
Солнце греет, тихо очень.
Никуда б не уходил.

А потом наступит вечер,
Млечный путь огни зажжет,
Словно выплывет навстречу
Океанский пароход.

Не достичь тех звездных точек,
Время держит нас в плену.
Жизнь моя, как островочек,
Сто шагов-годков в длину.

Незаметно прибывает
В море темная вода.
Островок мой тает, тает,
Исчезает без следа.

Много песен было спето,
Много смыто островов...
Хорошо за Волгой летом,
Если мало комаров.

1998 г.

ЛЕТО

Июль – красавец солнцеликий:
Беспечен, весел, хмель в крови.
В его объятьях жарких липа
Изнемогает от любви.

Он весь в ромашках, росах, ливнях,
Оброс травой, ковылем.
Стрекоз и птиц кортеж счастливый
Его сопровождает днем.

И ночь во всем ему послушна:
Нежна, доверчива, близка.
Как сваха старая, на ушко
О чем-то шепчет им река.

А он, раскинувшись в полях,
В лесах, среди комаров и сов,
Заснул, счастливый полупьяный,
На пару сумрачных часов.

2005 г.

КОМАРЫ

Жарко.

Воздух будто марево.

Дома душно, а в лесу
Ненасытные комарики
Мою кровушку сосут.

Ну, прихлопну сотню, три ли их –
Тут же тысяча летит.
И у этой эскадрильи
Тоже зверский аппетит.

Будний день ли, воскресенье ли,
Нет покоя мне от них.
Поскорей б ветра осенние
Унесли врагов моих.

1995 г.

ОСЕНЬ

Безлюдье.

Неуют.

Холодное течение.

Здесь одному быть лучше, чем двоим.

Изгиб реки, как женское движение,

И ясно виден и неуловим.

Открытый всем ветрам, лес тихо опадает.

Багряный хлам вниз по реке плывет.

Продрогший рыболов погоду проклиная,

Но, как всегда, надеется и ждет.

Все вымерло, ушло, застыло в ожиданье.

Невидимый зверек затих в норе у пня.

Тропа в лесу, как тайное свиданье,

Куда не знаю, выведет меня.

1985 г.

* * *

Октябрь.

Дожди.

Скупая мгла рассвета.

День ото дня погода все мрачней.

Лишь иногда, как тихий остров лета,

Вдруг дарит осень пару светлых дней.

В лесу не слышно птиц, кружит листва резная.

Багряную медаль с тропинки подниму.

За что награда мне?

Не знаю...

Кому я должен?..

Никому.

2008 г.

За Бригадировкой дорог хороших нет...
Овражком, перелесками, полями,
В цветущих травах оставляя след,
Поеду вверх к ярам, к Поповой Яме.

В тени у старых ив «Урал» поставлю свой,
Не торопясь, налажу лодку, снасти,
И поплыву прохладною рекой
Искать свое нечаянное счастье.

Такая тишина, такая глушь кругом,
Как будто никогда никто здесь не бывает.
Скрипит столетний вяз на берегу другом,
Кукушка сотню лет кому-то обещает.

И кажется, что можно плыть и плыть,
Кружить среди яров в преддверье листопада.
И ни о чем не надо говорить,
И улыбаться никому не надо.

1996 г.

* * *

Казалось, путь далек – жизнь впереди большая,
Но посчитал года – она почти прошла...
Пока еще есть рыба в Черемшане,
Пора забыть все «важные» дела.

Всего-то ничего мне жить еще осталось.
Всех денег не собрать, всех вин не перепить.
Пока совсем не придавила старость,
Пора и мне без суеты пожить.

Советы мудрецов порой нам лишь мешают.
Что толку повторять чужой надежный путь?
Была бы только рыба в Черемшане,
Все остальное утрясется как-нибудь.

1996 г.

Притихший Черемшан бежит неторопливо.
Кончается сентябрь, в округе – ни души...
Любимая страна, где разбавляют пиво
Пронырливые бабы-торгаши.

Над речкой тишина, ни шороха, ни шума.
Темнеет, клева нет, костер почти погас...
Любимая страна, где президент и дума
Который год все крепче любят нас.

И вот уже ветра из-за реки подули.
Метнулся судачок из темной глубины...
Любимая страна, где столько всякой дури,
Но не было и нет у нас другой страны.

1996 г.

* * *

Снова лифт на ремонте, и с шестого старушка,
За перила держась, вниз тихонько пошла.
Там все вместе они, словно мышки-норушки,
Собираясь, свои обсуждают дела.

Поздороваясь – даже порой не ответят.
Кто я им?

Никакой, там, ни сват, ни родня.
Да и мне ни к чему церемонии эти.
Не заметят и пусть – все равно для меня.

Но бывает, приходишь – устал, все постыло.
Скажут:

– Здравствуй, соколик!..

И я вдруг счастлив...

Что хочу?

Ничего...

Пусть все будет, как было.
Пусть судачат старушки, и работает лифт.

1996 г.

* * *

Буераки и осинники –
Неприметные места.
В путь-дорогу к морю синему
Уезжают поезда.

Мимо леса...
 За опушками
Деревушки и поля:
Близлежащее Матюшкино,
Отдаленная Бирля.

Мимо реки...
 У излучины
Скирды старые видны.
Мимо, вроде бы наскучившей,
Средне-волжской стороны.

Но уедешь – пальмы, галечка,
Наглядишься на моря,
И припомнишь вдруг прогалинку
В сосняке у Письмиря.

Или вспомнишь тропку-просеку
За речушкой Ерыклой,
И захочешь, и запросишься,
И потянешься домой.

1995 г.

МОЖЕТ БЫТЬ

Я – это где-то в глубине,
А тело – робот мой,
Который предназначен мне
Капризною судьбой.

Он мой слуга, послушный раб,
Которым я владею.
Я – капитан, а он – корабль.
Он – дело, я – идея.

Мы существуем с ним вдвоем
И нет надежней уз:
Он мне движение дает,
Я выбираю курс.

Он видим, ощутим, весом.
Он – вещь, явление, тело.
А я – лишь призрачный узор,
Легенда, тайна, тема.

Когда же к нам придет беда,
И рухнет наш союз,
То он исчезнет навсегда,
А я лишь затаюсь.

Я затаюсь, замру пока
В глуби...
И, может быть,
Когда-нибудь в других веках
Я снова буду жить.

1983 г.

НОЧЕВКА У КОСТРА

Над головой нависли кроны,
Сомкнулись за спиной кусты...
Лесной зверек – костер укромный
Ко мне пришел из темноты.

А ночь тревожна: ухнет птица,
На плесе сом плеснется вдруг...
Останься, все равно не спится,
Я покормлю тебя из рук.

Рекой и лесом, мглой и глушью,
Мир ограничен мой теперь.
Я знаю, ты не пес послушный,
Ты сильный и опасный зверь.

В овражной сухостойной чаще
Ты прячешь огненную пасть,
Миг выбирая подходящий,
Чтоб неожиданно напасть.

Ты любишь бурь и гроз забавы,
Когда, все сущее кляня,
Швыряет молнии в дубравы
Твоя далекая родня.

Ты можешь притвориться мертвым,
Чтобы потом, когда уйду,
Дружок твой – ветер переметный
Из углей вновь огонь раздул.

Тогда вы с ним, сил диких полны,
Взметнетесь в пляске огневой...
Я удержу тебя, я помню,
Что можешь ты...
Я САМ ТАКОЙ.

1996 г.

ИГРА

Рывок по краю.

Пас вдоль бровки.

Прошли к штрафной.

Прострел.

Удар!..

Мяч срикошетил, и неловко,

С трудом отбил его вратарь.

И в этот миг, как будто кто-то

Мне подсказал шальной отскок,

Рванулся я и с полулета

Пробил под планку в уголок.

И – гол!..

Свистку трибуны вторят.

Бегут ребята поздравлять.

А мне, как в медленном повторе,

Все представляется опять...

Прострел...

В вратарской тесно очень.
Вот – рикошет.

И вот он – гол!
А стадион вокруг грохочет,
Бушует в сорок тысяч горл.

И кто-нибудь, игру итожа,
Где все на грани – «быть не быть»,
Поверит вдруг, что сможет тоже
Свои проблемы разрешить.

Ведь, если разобраться в сути,
Все в жизни, как в игре в футбол.
Везде есть зрители и судьи,
И тот, кто забивает гол.

1995 г.

БРОСОК

Последняя игра.

Финал.

Как Колизей грохочет зал...

Проход под щит, бросок не точен.

Теперь – в атаку.

Быстро очень

Рванулись.

Пара передач,

И с ходу забиваем мяч.

Но тут же «центр» их скрытым пасом

Мяч получил: прыжок – и фол!..

Предвидеть мог ли Нейсмит-папа,

Каким ты будешь, баскетбол?

Вперед-назад – быть надо всем

И в нападеньи, и в защите...

Мы позади: 106-107,

Одно очко лишь в дефиците.

Берем тайм-аут...

Нам играть

Лишь пять секунд – две передачи.

– Ты отдаешь, тебе бросать.

И только так, а не иначе!

Лишь пять секунд должны решить,

Кому на пьедестале быть...

– Ну, все, пошли!..

Заслон – рывок,

Секунды нет на размышление.

Отличный пас.

Прыжок.

Бросок...

Попал!

Остановись мгновенье...

Мне не забыть тот давний матч,

И со свистком забитый мяч.

2006 г.

Любимому коту Васе

Когда в глаза твои гляжу,
Теряюсь сразу я,
Как будто в чашу прихожу
И нет со мной ружья.

И будто там, в глуши лесной
(И над, и под, и за)
Следят внимательно за мной
Зеленые глаза.

Там кто-то прячется в траве,
Крадется по следам.
Там я уже не человек,
А только лишь еда.

Там сотни игл, когтей и змей,
Чтоб жалить и терзать.
И очень хочется скорей
Оттуда убежать.

1984 г.

О СЕБЕ САМОМ

Мы в восторге от мистера Лира.

Эдвард Лир

Феликс Дмитрич мне нравится очень.
Впрочем, он — это сам я и есть.
От трудов отдыхает он ночью,
Днем гуляет, мечтает и ест.

Любит выпить он кружечку пива,
Завтрак свой не отдаст никому.
И жена, с нежным именем Вива,
По утрам варит кашу ему.

Документы в архивах он ищет.
Прочитал разных книжек штук сто,
И в лесу отыскал городище,
О котором не знает никто.

Он с дедами встречается часто.
Что узнает, мотает на ус.
Бродит он по оврагам и чащам,
А однажды залез на Эльбрус.

Рисковать он не будет напрасно.
Когда в карты играет, – не пьет.
Если мизер немножко опасный,
Он его никогда не возьмет.

Не нужны ему Оскар и Ника,
Не влечет его звездная даль.
Любит он собирать землянику
И рыбачить на речке Авраль.

Он над слабым не будет смеяться,
Уважает кошачий народ.
Кот Василий жил с ними лет двадцать,
А теперь кошка Муся живет.

Иногда он встает на рассвете,
Но, бывает, подольше поспит.
И я рад, что на нашей планете
Феликс Дмитрич живет и творит.

2008 г.

* * *

Ей восемнадцать, а ему давно за шестьдесят.
В их не случившейся любви никто не виноват.

Она в цвету, а он, увы, уже почти увял.
И вот в один из вечеров с улыбкой он сказал:

– Нам быть с тобой не суждено, мне скоро умирать,
Но, верю я, когда-нибудь мы встретимся опять.

Все в этом мире состоит из атомов простых,
И ты, и я, и все вокруг – лишь сочетание их.

Века без устали ведут частиц тех перебор,
Сумеют повторить они и твой, и мой узор.

Когда же вновь возникнем мы из тьмы небытия,
Тогда ровесником твоим, надеюсь, буду я.

1996 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ощуцаю с прошлой осени,
Что из дали внеземной,
Из таинственного космоса,
Пристально следят за мной.

День и ночь они исследуют
Жизнь обычную мою:
Где бываю, с кем беседую,
Как я сплю, что ем, что пью.

Все потом запрограммируют,
Файл присвоят ФДК,
И меня зарегистрируют,
Как всеядного зверька.

Да и вам хихикать нечего,
Всех достанет та напасть.
Скоро орды звездной нечисти
На Земле захватят власть.

Перечтут всех до копеечки,
Всем навесят ярлычки.
Так-то, птички-канареечки,
Человечки-паучки!

2005 г.

ПРЕФЕРАНС

*А в ненастные дни
Собирались они
Часто...*

А.С. Пушкин

Люблю сырой ненастный вечер
Встречать в компании мужской,
Когда и снег, и дождь, и ветер,
И телевизор в мастерской;
Когда ковры трясти не надо
И на концерт не взят билет,
Когда удачные расклады,
Удобный стул и женщин нет.
Когда партнеры понимают,
И медленно «гора» растет,
И телефоны не мешают,
И прикуп «прямо в масть» идет.

1995 г.

* * *

Знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

Картежная поговорка

В голове моей мощный компьютер,
Он считает надежно и быстро.
Если ночью стучатся к кому-то,
Я предчувствую утренний выстрел.

С ним яснее становятся мысли
И понятней явления природы.
По чуть слышному шороху листьев
Узнаю я на завтра погоду.

Он любые раскроет мне тайны,
Криминала распутает нити.
Сны мои – виртуальные файлы,
В них приметы грядущих событий.

Если грозные снятся сраженья,
А давление внезапно упало,
Значит, – мощное землетрясенье
Все разрушит в предгорьях Непала.

А когда запоздалая осень
Совпадет вдруг с тревожными снами,
Точно знаю: на Галапагосы
Надвигается грозный цунами.

Помнит он все важнейшие факты,
Знает, как избежать неудачи,
Но не знает, какие две карты
Лягут в прикуп во время раздачи.

2008 г.

МОРЯК И КАМИЛЛА

(шпионский роман)

Один моряк любил коньяк
И женщин тоже – очень.
А службу честно нес моряк
Недалеко от Сочи.

Для справки надо вам сказать,
Что у того мужчины
Был за границей важный зять –
Банкир из Палестины.

И тут еще один момент
Отметить тоже надо:
Банкир тот тайный был агент
Известного Моссада.

Секреты черноморских сил
Враги узнали б вскоре,
Поскольку наш моряк служил
На боевом линкоре.

И дерзкий план возник тогда
В шпионском кулуаре:
Послали женщину сюда
По типу «Мата Хари».

Она легко проникла к нам
Под именем Камилла,
Вошла в доверье к морякам
И всех обворожила.

Все рассчитал коварный враг,
Расчет был прост и точен.
Учили они, что пьет моряк,
Что женщин любит очень.

Но истины не ведал той
Расчетчик оголтелый,
Что честен был моряк простой,
Красив душой и телом.

С ним повстречавшись пару раз,
Прекрасная Камилла
Простого моряка тотчас
Безумно полюбила.

А он, узнав про тайный план,
Все доложил начальству.
Тогда совсем другой роман
С шпионами начался.

И провалился план-расчет
В чужом враждебном стане.
А у Камиллы сын растет,
Он капитаном станет.

2005 г.

ОСЕННИЕ ВЕТРА

Опять сменили направление
Неутомимые ветра,
И вновь тревоги и сомненья
Преследуют меня с утра.

Вдруг показалось: надо круто
Свернуть с привычного пути
И непроверенным маршрутом
В другую сторону пойти.

Все рассчитать, любую мелочь
Учесть, предупреждая брак,
Чтобы потом легко и смело
С налета взять богатый банк.

Потом на время затаиться,
Не трогать деньги года три.
Потом уехать за границу,
В Париж или, пожалуй, в Рим.

Потом, уже богатым князем
(Куплю, понятно, титул там)
Вернусь, женюсь, налажу связи
И фонд какой-нибудь создам.

И вот, представь!
Солидный, важный,
Уверенно держа фасон,
Иду походкою вальяжной,
Почти как Гафт или Кобзон.

Меня приветствуют артисты,
Зовут министры на банкет,
Ждут, не дождутся журналисты
И дамы самых дерзких лет.

Конечно, «форд», коттедж, Канары,
Как у людей заведено.
По вечерам – бильярд и бары,
А ближе к ночи – казино.

В субботу – чьи-то именины,
И на премьере надо быть.
Потом – стриптиз, потом – Карина...
На речку некогда сходить.

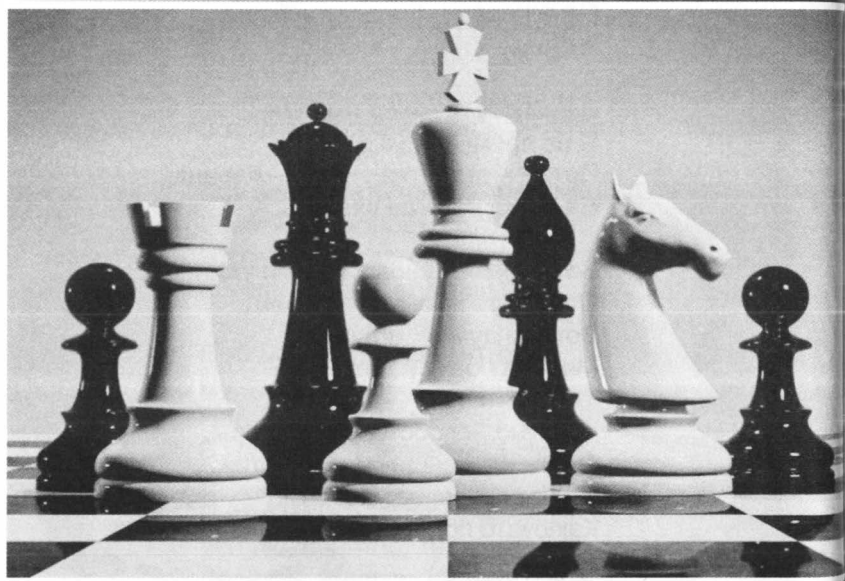
Во вторник – снова званный ужин.
Опять про жизнь поговорим...
Вот, я и думаю, а нужен
Мне этот банк и этот Рим?

Конечно, – лобстеры, рокфоры,
Опять же женщины, – престиж...
Но нет покоя, нет опоры,
Как будто под гору скользишь.

Смотрю в окно.
Ветров осенних
Шальной порыв почти угас,
И я спокоен...

Банков сейфы
Не пострадают в этот раз.

2004 г.

ИГРА

(ШАХМАТНАЯ ПОЭМА)

ПРОЛОГ

Тот странный мир едва ль напоминает наш,
Иные в нем поля, события и цели.
Меридианов счет идет там с «А» до «Аш»,
И с первой по восьмую – параллелей.

Там нет морей и гор, и только две страны:
Все поровну у них, во всем равны заслуги,
Но вечно враждовать державы те должны,
В жестокий бой идут и короли, и слуги.

Из множества чудес лишь часть запомнил я:
«Двойной и вечный Шах», «тройное повторенье»,
Печальный «детский мат», «безумная Ладья»,
Рождение Слонов на «поле превращения».

Там умереть нельзя.

Погибшие в бою

Мир покидают лишь до окончания тура,
А после вновь и вновь играют роль свою:
Тот – скромный рядовой, тот – важная фигура.

Там цель для всех одна – в сраженьях победить,
Но к ней не отыскать проторенной дороги.
Там даже короли не знают, как ходить,
Владеем ими мы, а нами – наши боги.

СНАЧАЛА БЫЛ ГАМБИТ

«Эф2 – Эф4», потом ход Конем.
Что пешка – фигур мне не жаль!
Лишь только б вплотную сойтись с Королем
И к горлу приставить кинжал.

Унылой осадой не взять бастион.
– В атаку! – трубач просигналь.
И пусть занимает стремительный Слон
Открытую диагональ.

Теперь все на приступ, и медлить нельзя:
Полцарства за темп отдаю,
За нужное поле – Ладью и Ферзя.
Обоз – лишь помеха в бою.

И вот на «Аш8» Король их зажат,
Кругом – перекрестный огонь.
Еще одна жертва, и делает мат
В засаде скрывавшийся Конь.

Вот так, без сомнений, всегда лишь вперед.
В атаку – и мат Королю!
Ах, рыцари – смелый счастливый народ,
Я так вас любил и люблю...

* * *

Ты помнишь?..

Весной расколдованный сад,
Волшебные дни, обжигающий взгляд.
Мечты и желанья не знали границ.
Цветущей весной нельзя не любить.

Влюбись!

И закружишь кроссвордами улиц,
И будешь мосты до утра караулить,
И будешь метаться от звезд до глубин,
В толпе городской оставаясь один.

Я знаю, я помню...

Сто лет лишь назад...
Волшебные дни, обжигающий взгляд.
Казалось, весна никогда не пройдет..
«Эф2 – Эф4» – и только вперед.

ПОТОМ БЫЛА ЗАЩИТА

Прошла весна.

Отсеялись.

Остыли...

И реки в берегах, и отцвели сады.
Нам некуда спешить, мы главное свершили.
Дозреют и без нас зачатые плоды.

Теперь куда-нибудь без суеты и рвения
Вдоль тихих берегов спокойно проплывать.
Надежная семья, небыстрое течение,
Но... первый «черный» ход, конечно, на «Ц5»!

* * *

Сицилианская защита,
Позиция полузакрыта;
Спецобороной (всюду «Ц»!)
Взят на прицел опасный «Центр».

Играем «вариант дракона».
Здесь сантименты вне закона.
Двух кремней древняя искра:
Ход в ход – кость в кость! – идет игра.

Пусть мозг расчетом перегружен,
За гранью мысли счет не нужен, –
Предчувствие не знает вех.
Играй и верь.

ВПЕРЕД И ВВЕРХ!

* * *

Во мгле теорий и сомнений,
Слоново-конных столкновений,
Успех свой ходом роковым
Предвижу чувством боковым.

Так, в веренице тусклых дней
Вдруг слышишь в небе журавлей,
И мысль счастливая кольнет:
– Должно быть, скоро повезет...

Так, в сентябре, когда на плечи
Волшебно падает листва,
Ты чувствуешь, как шепчет ветер
Полузабытые слова...

Так, иногда в толпе прохожих
Блеснет на миг счастливый взгляд.
И вздрогнешь, вспомнив день погожий,
Весенний сад...

Сто лет назад...

Но полно!

Хватит вспоминать.

Часы идут – пора играть!

* * *

Вновь наступает он (иди ко мне, иди!),
Продвинуты вперед пехотные фаланги,
Подтянуты тяжелые Ладьи,
Готовые начать вторжение на фланге.

Сосредоточив все на вертикали «Аш»,
Противник мой – УРА! – пошел на абордаж.

Вполне уверен он, что через пять ходов
(Я лучше знаю, чем закончится атака),
Его Ладьи, тесня моих Слонов,
Ворвутся в тыл безжалостно, как танки.

ЦЕЙТНОТ

Я – сюда, он – туда.
Погаси огонь, вода.
Слабый фланг, сильный Конь.
Погаси, вода, огонь.
Белый Слон идет на «Ж»,
И завязан Конь уже.
Но тогда «Ладья – Е5»...
Надо снова все считать.

Я беру, он берет –
Вертикаль не подведет.
Из-за туч видна луна,
Черный Конь сильнее Слона.
Здесь на пешку нападём,
Разменяемся Конем...
Время мчится, тоньше нить.
Так, куда же мне ходить?

* * *

Жестокая игра – ходы поочередно.
И он, и я хотим поставить мат.
Купец Калашников так бился принародно...
– КАЛАШНИКОВ?..

Причем тут АВТОМАТ!?

Не просто нам понять другое поколение,
Дорога и мораль у каждого своя.
Мы, как галактики, все в большем удаленье:
Ушли от нас отцы, уходят сыновья.

У нас свои кумиры и иконы,
У них уже другой иконостас.
И только лишь игра и древние законы
На несколько часов объединяют нас.

Садимся – и вперед!..

Суровые мужчины,
Двух интеллектов серые машины,
На черно–белых клавишах доски
Играем партию в две вражеских руки.
Мне по душе классические темы,
Он ультрамодные предпочитает схемы.

Он молод и упрям, до мата будет драться
(И я таким же был, когда мне было двадцать),
Себя и всех стремится убедить,
Что может за доской любого победить.
Мудрит, терзает мозг, свой замысел тая...
Пока он думает, мои часы стоят.

Я старше стал.

Я слаб?..

Мне уступить пора?

Не только шахматы, вся наша жизнь – игра.
Тасует судьбы всех наш суетливый мир:
Кто был слугой вчера, сегодня – командир.
Стремимся, боремся, в бою не уступаем,
И все по времени однажды проиграем.

* * *

Ход сделан – «Слон Б5»...

Знакомая идея:

Отвлечь на фланг к отсталой Пешке «Ц».
Полуоткрытой линией владея,
Сумею (будто бы) дожать его в конце.

Но лишь фигуры перестрою я,
Оставив короля без прочного заслона,
За Пешку будет отдана Ладья,
И без защиты рухнет оборона.

Волнуется партнер (совсем еще пацан!),
Победа для него, как женщина желанна.
Надеется и ждет, что скромный ветеран
Коварного не разгадает плана.

Надеется и ждет...

Ну, что ж, пойду навстречу.

Что стоит партию (бери, сынок!) отдать.
В предчувствие зимы, в осенний хмурый вечер,
Совсем не хочется кого-то побеждать.

А он еще успеет на свиданье,
Небрежно скажет ей:

– Уделал старика!

И улыбнется нежное создание,
И ляжет на бедро ее его рука.

В такой же день (аллея в парке та же),
Сто лет назад волшебною весной
Сказала мне она (ему сегодня скажет)
Сквозь поцелуй:

– Мне хорошо с тобой...

ЭПИЛОГ

Ну, вот и все!

Сыграли и ушли...

Фигуры собраны, лежат в одной коробке.
Перемешались в ней Слоны и Короли,
Жестокий Ферзь и Пехотинец робкий.

Здесь нет отсталых, слабых, проходных.
Все вместе, все равны и чином, и судьбою.
Не все ль равно, кто был сильнее из них,
Кто ставил мат, кто жертвовал собою?

Какая разница, кто выиграл, кто нет?
Была игра, движение, сюжет...

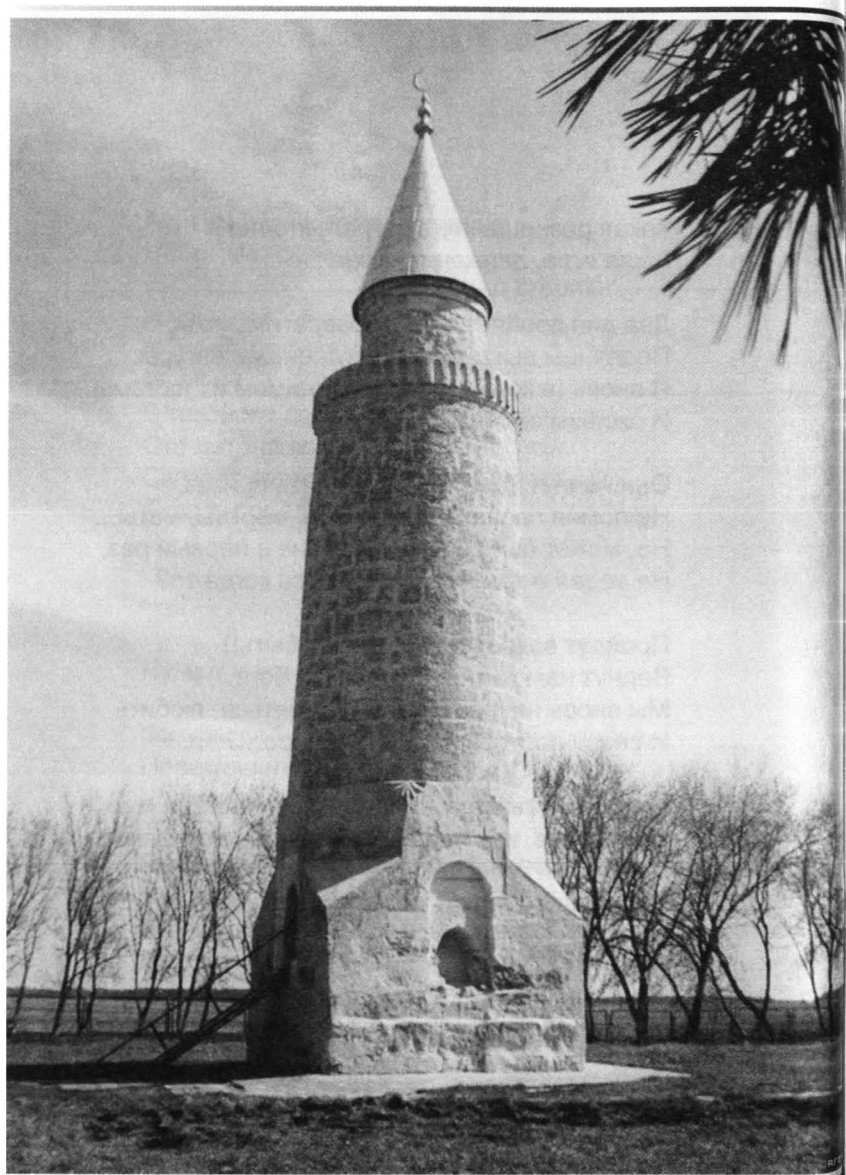
Два дня пройдет, к ним возвратимся мы,
Посланцы высших сил, мудрейшие авгуры.
И вновь (в который раз!) поднимем их из тьмы
И оживим застывшие фигуры.

Они начнут ходить и выполнять приказ,
Не помня прошлые сраженья, жертвы, маты...
Но, может быть, и мы живем не в первый раз,
Не ведая о том, что жили здесь когда-то?

Пройдут века и снова (может быть!)
Вернут нам жизнь неведомые боги.
Мы вновь начнем играть, надеяться, любить
И снова повторим забытые дороги?..

Конечно, там игра – квадратный плоский мир.
Сравнение, как мираж, заманчиво, но ложно.
И все-таки теперь, когда стареем мы,
Надеяться хочу на то, что невозможно.

2005 г.

МИНАРЕТ

(поэма)

Булгар – город у реки Итиль.

Ибн-Шарафутдин,
арабский писатель XVI века

Все больше лодок сохло на песке,
Кончалось лето, осыпались вишни...
Мы плыли вниз по матушке-реке,
Прошли Казань и утром к Каме вышли.

И словно расступились берега:
Едва-едва холмы виднелись справа,
А слева шли отлогие луга
И с волнами почти сливались травы.

Темнел вдали деревни силуэт:
Квадраты изб, косых оврагов шрамы.
И вдруг я различил высокий минарет
И азиатский купол шестигранный.

– Что это там?..

И подсказали мне:

– Здесь был Булгар – огромный город древний.
Давным-давно в заволжской стороне
Он высился на месте той деревни.

Булгарским был когда-то этот край,
Потом прошли здесь орды Чингисхана...
– Булгар?.. Болгария?

Но это же Дунай,
Причерноморье, древние Балканы!

А кто жил здесь в краю степных дорог?
Что привело сюда – война или интриги,
Иль божий перст?..

Никто сказать не мог,
И я взял в руки атласы и книги.

* * *

Страницы книг – слои былых времен,
В них сохранились камешки имен,
В них отпечатки городов и стран
Оставил дней минувших океан.
Вот черепа погибших крепостей,
Ракушки славы, янтари идей.
Вот древних распрей ржавые клинки...
Здесь можно отыскать течение реки,
Которая меняет этот мир
И по которой проплываем мы.

Во времена Великого переселения народов кочевые болгарские племена осели в приазовских степях, основав государство, вошедшее в историю под названием Великая Болгария. В 642 году умер вождь болгар Кубрат, оставив трех сыновей. После его смерти болгары под натиском хазар вынуждены были покинуть родные края. Одни из них направились к Дунаю, другие на Северный Кавказ, третьи – в Поволжье.

* * *

Вождь умирал...

– Я ухожу от вас,
Когда беда нависла над страной.
Вы знаете, уже не в первый раз
Хазарский хан идет на нас войною.

Огромна и сильна его орда.
Я знаю, труд вас не пугает ратный.
Но если все погибнем, то тогда
И весь наш род погибнет безвозвратно.

Другой есть путь – склониться под пятой,
Жизнь выкупить смиреньем и дарами.
Но если вы склонитесь, то потом
И дети ваши вырастут рабами.

Сыны мои! Здесь все родное вам:
И степи, и луга, и рек счастливых воды.
Но лучше земли уступить врагам,
Чем поступиться верой и свободой.

Вот мой наказ: покиньте отчий край,
Свои дороги выбирайте сами.
И мне пора...

Один шел на Дунай,
Другой – к Кавказу, третий – Волгой к Каме.

* * *

За Волгой степи, травы, ковыли.
Вдоль Камы чащи, темный бор, дубравы.
Здесь в междуречье, от морей вдали
Укоренилась новая держава.

Еще слаба, неопытна.

Порой

По жеребьячи разъезжались ноги,
Когда саму себя в подъем крутой
Взвозила по нехоженой дороге.

Жестокие бывали времена.
Казалось, что не справиться с бедою,
Когда была покорена страна
Безжалостной монгольской ордою.

Но даже в годы «золотых» невзгод
Корней своих не забывал народ.

И постепенно закалялась плоть,
И разум креп, и рубцевались раны.
Край возрождался вновь.

И вот уже не прочь
Сюда купцы направить караваны.

* * *

*Я не знаю, где граница
Между севером и югом...*

М. Светлов

*Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись...*

Р. Киплинг

Тары-бары, тары-бары!
Все на ярмарку в Булгары.
Кто на Волге не бывал,
Тот товаров не видал!

– Мы от северных морей
Шли к Булгару много дней
Дикой тундрой и тайгой,
Плыли быстрой Чусовой,

А потом по светлой Каме.
Мы везем с собой, как камень
Твердый, зуб зверей морских
Для людей мастеровых.

А навстречу из Коканда,
Бухары и Самарканда
Доставляет караван
И гвоздику, и шафран,
И корицу, и мускат,
И сушеный виноград.

А по «шелковым» дорогам,
По тянь-шаньским гор отрогам,
Из страны далекой Сун
Шелк, фарфор купцы везут.
И секрет товаров тех
Скрыт надежно ото всех.

И уже шумит базар,
Разбегаются глаза...
Бусы, серьги и браслеты,
Византийские монеты,
Зеркала и серебро,
Из Венеции стекло,
От прибалтов янтари:
– Для красавицы бери!

А еще – меха Сибири,
Лучше нет в подлунном мире!
Белка, соболь, горностаи –
Подходи и выбирай!

Ну, а здесь не для забавы
Топоры, мечи, булавы,
Копья, шлемы и кольчуги...
– Покупай, пока мы други.
Ведь потом – кто поручится? –
Может всякое случиться.

А вокруг толпа...
Тюрбаны,
Паранджи и сарафаны,
И халаты, и папахи,
И холщевые рубахи,
Кашемировые шали,
Малахаи рыжих лис...

ЮГ И СЕВЕР ЗДЕСЬ СМЕШАЛИСЬ,
ЗАПАД И ВОСТОК СОШЛИСЬ.

Как-то утром на базар
Привезли живой товар...
– Вот рабы!
Кому рабы!
Работящи и храбры.
Обменяю молодцов
На арабских жеребцов.
А за жирную овцу
Дам наложницу...

Вмиг приказчик ханский прибыл
(Этот не упустит прибыль),
Осмотрелся, приценился,
Что и как определился.
Начал торг, ведет расспросы:
– Есть ли здесь каменотесы?
– Есть, – слышалось в ответ,
– Мы на стройках с малых лет.
Дом, ограду, крепость даже –
Все постоим, коль прикажешь.
– Ну, а ставить минареты
Вера вам не запретит?
– Не молиться ж! А за это,
За работу, Бог простит.

– Если так, то покупаю
Вместе всех, и обещаю
Отпустить на волю вас,
Когда будет сдан заказ,
В тот же день...

* * *

Тогда за дело!
И работа закипела...
Рабский труд – жестокий труд,
От такой работы мрут.
Только палка или кнут
Ускоряют дело тут.
Если ж стимул есть, то раб
И такой работе рад...

Пролетело двадцать лет
И построен минарет.
Рядом с ним еще один,
Повелел так господин.
А впридачу – три мечети,
(Краше нет на белом свете),
А за ними мавзолей
И палата для гостей.

А еще – дворец для хана,
Рядом – баня, в бане ванна
Сделана, в нее вода
От реки подведена.
А вокруг всего стена
Прочная возведена,
Перед ней глубокий ров
Для защиты от врагов.

Хан премного был доволен
И строителям дал волю.
Трем рабам... Все остальные
Перешли в миры иные.

* * *

– Всемогуц аллах великий! –
Муэдзина слышны крики.
Правоверных в день пять раз
Он сзывает на намаз.

Как-то вышел рано утром,
Слышит шорох, дождик будто

Моросит. Но тучи нет...
Муэдзин на минарет
Не спеша (наверх крутая
Лестница ведет витая)
Поднялся и вдаль глядит.
Видит – в небо пыль летит.
В страхе закричал:

– Беда!

Приближается орда...

* * *

Приглушенно – тум, тум, тум –
Слышен в поле грозный шум;
Топот тысяч лошадей,
Крики, хрипы, визг людей.
Будто в бубен бьет колдун
Моноotonно – дун, дун, дун.

Мчатся, как в степи огонь.
Рядом с каждым свежий конь.
Десять ног на пару рук,
За спиной колчан и лук.
Затмевают белый свет.
Никому пощады нет!

Прискакали. Окружили.
Словно петлю наложили.
Не спешат – зачем спешить?
Скоро городу не жить.
Отдыхают, ставят стан.
В том шатре жестокий хан.

Думает:

– И впрямь богат
Этот северный Багдад.
Сразу видно, много злата
В белокаменных палатах.
Есть там всякое добро:
И вино, и серебро,
Темно-красные рубины,
Дивнобедрые рабыни.
Через пару дней все это
Заберем себе...

* * *

С рассветом
Поднялась орда всей кучей,
Двинулась, как злая туча.
Ближе, ближе...

Остры стрелы
Пролетают то и дело.
С катапульт летят камни,
Разрушая укрепления.
Ближе, ближе...

Пред собою
Гонят пленников толпою.
Они связаны по трое,
Тащат бревна, – туры строить.
Ближе, ближе...

В них стреляют

(Тех, кто ранен, добивают),
Кипяток и смолы льют.
Туры все-таки растут
Выше стен...

Убитых в ров
Валят, полнят до краев.
Ставят крепкие тараны,
Начинают непрестанно
В стены бить и день, и ночь.
И ничем нельзя помочь.
Участь всех предрешена.
В полдень рухнула стена...

Ворвались. Дружину смяли.
Город весь в крови и мясе.
Смерть, разбой, пожаров ад.
Грудой пленные лежат.
Обреченные глаза...
– Умертвить всех, – хан сказал,
– Лишь строителей не старых
Взять с собою, но заставить
Прежде все сломать, разбить
И с землей сравнять...

Лишь это
(Повернулся к минарету)
Для потомков сохранить.
Обо мне в напоминанье,
Непокорным в назиданье.

* * *

*Здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.*

А.С. Пушкин

Из Москвы дорогой вольной
Петр Лексеевич по Волге
Плыли в Астрахань.

В тот год
Был на Персию поход.

Думал царь:

– По всем границам
Мы сумели защититься
С запада.

Подходит срок
Обратиться на восток.

Если станем здесь надежно,
Никому нас невозможно
Опрокинуть.

Сил тех нет!
И увидел минарет...

– Что за крепость?

– То Булгары,
Знаменитый город старый.
Иноверцы говорят,
Был столичным этот град.

Вышли на берег, позвали
Стариков, и меж развалин
Ходят, смотрят...

Местный дьяк
Поясняет что и как.

Осмотрел все, даже сверху,
С минарета глянул царь.
Слышит смех:

– В чужую веру
Что ль собрался, государь?

Флагман первым не пристанет
К незнакомым берегам,
И тебе, чай, не пристало
Потакать чужим богам.

Петр в ответ:

– Все разны боги,
Словно пальцы на руке,
Но помочь России могут
Во едином кулаке.

Не поладим, – будет ропот.
Дело ж здесь на всех одно:
Есть у нас окно в Европу,
Нужно – в Азию окно.

Потому наказ мой строгий
(Значит, так тому и быть!)
Подвести сюда дороги,
Все исправить, подновить.

Чтоб теперь сия громада
Простояла пять веков.
Мастеров сюда бы надо...
– Я бы взялся.

– Кто таков?

– Вольный сам, сынов есть трое.
Мой пра-пра-далекий дед
Со товарищами строил
Этот самый минарет.

Ну и мы не лыком шиты,
Не ударим в грязь, поди ж!
Укрепим, наладим плиты,
Все устроим, как велишь.

– Коль так смел, берись за дело.
Я, как меньше станет дел,
Возвращусь.

Помянем деда,
Поглядим, что ты сумел.

И уехал...

Применяя,
Как обычно, свой аршин,
Мыслил люд:

– Вот Русь какая:
БОГА ДВА, А ЦАРЬ ОДИН!

* * *

Болгаре, глаголемии казанцы...

Летопись XVI века

Кружит по лесу дорога,
Лентой тянется в полях.
Путь в Булгар займет немного,
Два часа на «Жигулях».

Пробегают деревушки:
Огороды, избы, пруд...
В черных шалях две старушки
К разным кладбищам идут.

Глянешь: там – кресты косые,
Там – неполная луна...
Азиатская Россия,
Средне-волжская страна.

Здесь степей полынный запах,
Шорохи лесных дорог.
Здесь сходилась дерзкий Запад
И сидящий Восток.

Много конных здесь скакало,
Много пеших здесь прошло.
Много «наших» здесь пропало,
Много «ихних» полегло.

То веками враждовали,
То мирились навсегда...
Годы шли и оседали
На минувшие года.

Эти почвы и породы
Погребли в глуби своей
Прежде жившие народы,
Государства прежних дней.

Скифский идол, гуннов чаши,
Древних булгар города...
Спросят: – Это предки наши?
И, подумав, скажешь: – Да!

Да, тот – меньше, тот – поболее
Сохранен в нас каждый род,
Словно реки влились в море
Под названием «народ».

В этом море растворились
Кочевые племена,
Век за веком позабылись
Их привычки, имена.

Изменились нравы, речи,
Русла рек, названья стран.
Никогда уже не встретишь
Из Багдада караван.

Но все так же у деревни
Неподвластный временам
Минарет стоит, как древний
Динозавр, пришедший к нам.

*Булгар – Димитровград,
2003 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Остров	4
По теченью	6
«Мы строим корабли...»	8
Пришелец	10
Атолл	12
«Бушует океан...»	13
Тост	14
«Где край страны моей...»	15
«Ну, здравствуй!...»	16
Старый мотив	18
Разговоры с отцом	20
«Помню тихий вечер...»	23
Июньский жук	24
«Груженный поезд тяжело...»	25
«Январь заметит...»	27
Егорыч	29
«Забреду на луг зеленый...»	31
Лето	32
Комары	33
Осень	34
«Октябрь. Дожди...»	35
«За Бригадировкой...»	36

«Казалось, путь далек...»	37
«Притихший Черемшан...»	38
«Снова лифт на ремонте...»	39
«Буераки и осинники...»	40
Может быть	42
Ночевка у костра	44
Игра	46
Бросок	48
«Когда в глаза твои гляжу...»	50
О себе самом	51
«Ей восемнадцать...»	53
Предчувствие	54
Преферанс	55
«В голове моей мощный компьютер...»	56
Моряк и Камилла (шпионский роман)	58
Осенние ветра	60
Игра (шахматная поэма)	63
Минарет (поэма)	75

Когда в глаза твои гляжу,
Я словно в чашу прихожу...

